

# ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Для цитирования: Сухарев О. С. Методологические проблемы и перспективы современного институционализма // Журнал экономической теории. — 2020. — Т. 17. — № 4. — С. 904-921

<https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-4.13>

УДК 330.1

JEL A11 B41 B52

О. С. Сухарев

Институт экономики Российской академии наук (Москва, Российская Федерация; e-mail: o\_sukharev@list.ru)

## МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОГО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА<sup>1</sup>

*Целью исследования является выявление основных методологических проблем функционирования современной институциональной теории, с тем, чтобы определить основные ограничения в её применении и сформировать ключевые направления совершенствования аппарата данной теории в будущем. Методология настоящего исследования базируется на общепринятых положениях институциональной теории, включает ретроспективный и сравнительный анализ, методы таксономии и обобщения. Использование указанной методологии позволило выделить этапы и виды диверсификации институционального анализа, идентифицировать её возможные причины и их влияние на аналитические возможности старой и новой институциональной школы. Тем самым в области методологии институционального анализа и экономической теории обозначена проблема диверсификации теории. Обозначена одна из главных методологических проблем институционализма, связанная с его имманентными ограничениями в формировании передаточного механизма макроэкономической политики, при сохраняющихся перспективах в области институциональной макроэкономики как самостоятельного направления. Обобщены подходы к оценке качества институтов и показано, что качество институтов может существенно повлиять на экономическое развитие, но различные типы институтов могут быть не сравнимыми по критериям оценки качества, как и по величине транзакционных издержек. В качестве одного из способов оценки качества может использоваться метод измерения дисфункции института по числу неисполняемых функций, которые совместно с оценкой институциональной эффективности по критерию числа исполняемых функций на единицу транзакционных издержек представляют релевантные параметры при принятии решений по вводу нового и замене действующего института. Противопоставление цели экономики транзакционных издержек цели максимизации стоимости институтов не может составлять пункт изменений в институциональном анализе, так как функции потерь и благосостояния используются в экономической науке одновременно, причём их применение к институтам также не имеет каких-то ярко выраженных возражений. Выявлена проблема расширения институционального анализа, сводимая к «эффекту превышения сложности», когда создаваемые теоретические конструкции и модели оказываются неадекватны наблюдаемым экономическим изменениям. Аналитическая перспектива же институционализма видится в том, чтобы в рамках прикладных задач прояснить влияние определённых институциональных факторов на экономические изменения.*

**Ключевые слова:** институционализм, старая и новая школа, основная методологическая проблема, диверсификация институционального анализа, эффективность институтов, транзакционные издержки, качество институтов, дисфункция

### Введение

Значительная критика неоклассической теории по многим направлениям со стороны различных институциональных школ в разные исторические периоды (Коммонс, 2011; Веблен, 2010; Норт, 1997, 2010; Hodgson, 2010;

Гэлбрейт, 2009; Попов, 2007, Бренан, Бьюкенен, 2005; Клейнер, 2004; Ходжсон, 2003, Эггертссон, 2001; Нельсон и Уинтер, 2000; Буайе, 1997; Myrdal, 1990), а также методологическая слабость институционализма, обусловленная его природой и методом познания экономических явлений (Eggertsson, 2013; Остром, 2010; North, 1991, 2008; Ostrom, 2005; Williamson, 1975, 1998,

<sup>1</sup> © Сухарев О. С. Текст. 2020.

2002; Coase, 1992, 1994), в том числе по причине эффекта «размывания институционального действия» (Сухарев, 2001. С. 95–96), ослабляющего как неоклассику, так и институциональную теорию, актуализируют задачу рассмотрения наиболее острых методологических проблем институционализма.

Причем эта актуальность усиливается как в силу обострения кризисных явлений в экономике (провокаторами которых выступают институты и осуществляемые правительствами перманентные институциональные коррекции), требующих объяснений, так и по причине появления некоего интегративного варианта институционализма или, как иногда называют, «прогрессивной исследовательской программы» (Ménard, 2018). В то же время по уже полученным результатам — их интерпретацией и применением — сохраняются вопросы, требующие поиска желательно точных ответов или, по крайней мере, прояснения ситуации для улучшения перспективного анализа институтов. Тем самым возникает условие, что в новую программу исследований, какой бы обнадеживающей она ни была, будут перенесены все недостатки и нерешенные вопросы из действующих институциональных школ. А то, что им и не было под силу, может быть, и не будет решаться. Например, новая программа сосредотачивает внимание на способах организации сделок в виде «гибридных механизмов», а также на неких промежуточных институтах (мезоинститутах), занимающих промежуточное положение между правилами социально-экономической деятельности и субъектами, следующими этим правилам (Ménard, 2018). Однако такой подход в общем-то встраивается в стандартную теорию контрактов (Williamson, 2002) и сделок (Коммонс, 2011), по крайней мере, вряд ли сможет превысить их возможности. Помимо микроэкономической нацеленности новой программы исследований имеются попытки развить институциональную макроэкономику<sup>1</sup> (Meador, Skerratt, 2017; Hove et al., 2017; Олсон, 2013; Норт, 2010; Сухарев, 2000, 2001). Она изучает влияние различных

институтов, в частности, программ развития, правовых условий, крупных организаций, включая международные, на макроэкономическую динамику, изменение отдельных секторов (Vega, Keenan, 2016; Bicen, Malter, 2019), например, снижения транзакционных издержек вследствие применения определенных видов договоров в рамках отрасли или изменения влияния на экологические проблемы (Prévost, Rivaud, 2018). Тем самым новый институциональный анализ помогает определить варианты как отраслевой, так и в некоторых случаях макроэкономической политики. Прикладной характер подобных исследований позволяет не только верифицировать планируемые меры воздействий, но и продвинуться в понимании довольно сложного вопроса о качестве функционирующих институтов. Основная проблема замены институтов сохраняется в рамках проводимых исследований, имеющих отраслевую или макроэкономическую направленность. Отдельные попытки делаются по исследованию финансовых институтов, которые обладают специфическими свойствами, вытекающими из природы денег (Hodgson, 2013), а также рутин организации финансовых счетов, современных сетевых механизмов (McKillop et al., 2020) и даже организации налоговой системы. Выбор корпоративной финансовой стратегии зависит от структуры капитала фирмы, то есть, определен диверсификацией активов (Jouida, Hellara, 2018), которая не всегда оказывает влияние на финансовый леверидж. Однако иные виды диверсификации влияют на долги фирм, передавая свое воздействие через соответствующие институты.

Данная идея как нельзя лучше говорит о том, что применительно к теоретическому анализу его диверсификация, имеющая определенные причины, свойственные, например, институциональному направлению, но менее характерные для неоклассики, будет, скорее всего, детерминировать возможности дальнейшего развития этого теоретического направления.

Таким образом, современный институционализм находит себя в решении прикладных вопросов принятия решений по работающим институтам, включая и обоснование их замены, корректирует сценарный выбор в конкретных условиях больше — на отраслевом, меньше — на макроэкономическом уровне. В основном этот анализ относится к новой институциональной школе, показывая, насколько ограничены возможности старого институционализма. Хотя описание институциональных проблем (Гэлбрейт, 2009) предста-

<sup>1</sup> Есть исследования, они указаны в списке, показывающие, что развивающиеся страны, внедряющие таргетирование инфляции, имеют трудности в борьбе с инфляцией, так как, по всей видимости, качество монетарных институтов невысокое — работа Центрального банка, финансового сектора, правил принятия финансовых решений и т. д. Улучшение качества этих институтов повышает и эффективность таргетирования, однако, в таких исследованиях дается весьма призрачное представление об институциональном качестве (Hove et al., 2017).

вителями старой школы имеет первостепенное значение для выработки стратегических решений по развитию (Tinbergen, 1993). Несмотря на перечисленные плюсы, тем не менее, можно говорить о больших методологических трудностях институционализма, приводящих к созданию различных «новых программ» исследований. Однако, при этом, уже сложившиеся проблемы в области методологии остаются неразрешенными. Именно их обзору, уточнению, конкретизации и посвящено настоящее исследование. Целью его выступает выявление причин диверсификации институционального анализа с формулировкой центральной проблемы в области методологии — сжатого характера рекомендаций для экономической политики. В качестве методов исследования будем использовать сопоставительный анализ, таксономические приемы, элементы модельных построений (в том числе графических). Основная задача — выявить проблему качества институтов, к которой сводится подавляющая часть исследований прикладного характера, и показать, возможно ли с использованием уже известного инструментария, например анализа трансакционных издержек, решить эту проблему в рамках теоретического и прикладного анализа.

### 1. Диверсификация институционализма: причины

Диверсификация означает разнообразие чего-либо, но применительно к институциональному анализу она представляет интерес в связи с тем, что неоклассика не обладала равнозначным разнообразием школ<sup>1</sup> (Блауг, 2004;

<sup>1</sup> Хотя, можно сказать, что в рамках неоклассического направления существовало множество теорий и направлений анализа. Это действительно так (Блауг, 2004). Однако здесь имеется в виду, что все эти различные неоклассические теории не преодолевали исходных базовых допущений и не предлагали кардинально иного подхода с точки зрения анализа, варьируя лишь рассмотрением той или другой стороны исследуемого объекта, предмета. Институционализм выдвинул вызов неоклассике по большому «гамбургскому счету», но и в рамках самого институционализма школы разделились не только по объекту анализа и каким-то его вариациям, а принципиально. С нашей точки зрения, равнозначного эффекта в неоклассике всё-таки, с пренебрежением отдельными случаями, не было. Хотя в этой статье предметом рассмотрения является институционализм, но данный же подход с позиции диверсификации можно обратить в отдельном исследовании и применительно к неоклассике. Скорее всего, там можно будет выделить или определить «фронду», которая, впрочем, не сможет, как представляется, нейтрализовать общее направление, в том смысле, как оно здесь представлено — более или менее единым по методу и допущениям. Отличаются эти теории обычно нюансами, чертами рас-

Myrdal, 1990), причем это соотношение сохраняется до сих пор. Данная проблема, слабо раскрытая в литературе, не является тривиальной и неважной, потому что можно предположить, что увеличение разнообразия анализа (видов, подходов, методов) становится реакцией процесса познания на имеющуюся и вероятно увеличивающуюся экономическую сложность. Обратим внимание на то, что анализ — это разъединение с целью редукции и прояснения, а синтез — это объединение, при котором, если он происходит в анализе, упрощение вряд ли возможно. С этим фундаментальным когнитивным ограничением столкнется любой исследователь, развивающий идеи создания единой интегративной социальной теории, либо отмечающий возникновение единого институционализма, несмотря на имеющиеся и сохраняющиеся разногласия его старой и новой школ<sup>2</sup>. С точки зрения развития экономической теории поиск объяснения разветвлений в анализе выступает одним из способов поиска ответа на вопрос не только о направлении развития теории как интеллектуальной конструкции, но и оценки ее возможностей описывать, объяснять экономические явления, предлагая модели решения и прогноза (Алле, 1995).

Выделим два базовых вида диверсификации экономического анализа по критерию связи его направлений. Во-первых, это горизонтальная диверсификация, которая выражается в наличии близких по содержанию (на уровне допущений, идеологических принципов, иногда моделей), но отличающихся предметом или объектом исследования направлений анализа. Во-вторых, вертикальная диверсификация, когда имеющиеся научные подходы не связаны на уровне допущений, идеологии, либо иногда моделей, но могут иметь один объект или предмет анализа (Сухарев, 2001. С. 253–255).

смотрения или применяемой гипотезой об изменении параметров, например, насколько гибки цены в различные периоды или чувствительны инвестиции к процентной ставке и т. д. В таком случае неоклассические школы становятся частными случаями, то есть, они исследуют какую-то одну сторону экономической динамики и изменений. Иными словами, для неоклассики характерна горизонтальная диверсификация, а для институционализма — еще и сильная вертикальная диверсификация анализа.

<sup>2</sup> Стирание некоторых граней между ними отмечал в частности Дж. Ходжсон на своих лекциях в России в ИЭ РАН в 2000 году, на которых присутствовал автор статьи, а также в последующих работах (Ходжсон, 2003, Hodgson, 2010). Однако стирание отдельных граней в силу некоторого набора на определенный момент времени действующих причин — это еще не интеграция двух в общем-то существенно различающихся концептов.

Примером первого вида выступает наличие многих школ в рамках нового институционализма, а второго вида диверсификации анализа — старый и новый институционализм. Причем второй вышел из наработок первого, но по базовым принципам и идеологии анализа остался ближе к неоклассическим постулатам (Ходжсон, 2003, Hodgson, 2010). Для неоклассических школ характерна в большей степени горизонтальная диверсификация (она вполне значительная), но при отсутствии вертикальной диверсификации. Для институционализма, наоборот, высока вертикальная диверсификация, а также горизонтальная в рамках нового институционализма, но вот старый институционализм остается более или менее цельным с точки зрения объекта и предмета исследования. Причем следует шире представлять объект и предмет исследования старого институционализма, нежели только неформальные нормы — традиции, обычаи, ментальные конструкции поведения агентов — вебленовская традиция (Веблен, 2010; Ходжсон, 2003; Сухарев, 2001). В рамках старого институционализма заложены основы исследования технологических изменений, факторов динамики, институциональной структуры предприятия, профессиональной структуры рынка труда, проблем отставания в развитии, собственности, правовой эффективности и ее влияния на экономику (Коммонс, 2011; Сухарев, 2000) и многих иных тем, ставших объектом дальнейших экономических исследований. Новая институциональная школа подхватила многие темы, особенно микроэкономического уровня, реализовав созданный аппарат исследований на базе подхода по оценке транзакционных издержек. Предметом стали формальные институты — законы, правила, реализуемые на их основе сделки, контракты, передаваемая информация и пр. При этом основополагающий вопрос экономической теории о рекомендациях в адрес экономической политики для указанных фундаментальных школ институционализма отходил как бы на второй план.

Главная методологическая проблема любой экономической теории может состоять в том, насколько обоснованный и действенный передаточный механизм экономической политики<sup>1</sup> может быть предложен исходя из ее положений и предоставляемых выводов (Сухарев, 2000). Конечно, здесь возникает масса трудностей,

<sup>1</sup> Под передаточным механизмом экономической политики понимается набор инструментов и мер воздействия на экономику и различные ее подсистемы, с тем чтобы придать ей развитие в необходимом согласно установленным общественным целям направлении.

поскольку этот механизм, при его создании, может иметь применение только на некотором отрезке времени и потерять свою результативность на иных интервалах. Однако вопрос относительно того, зачем и ради чего разрабатывается экономическая теория, имеет, на мой взгляд, всего три логически детерминированных ответа:

1) для описания и объяснения явлений с целью принятия решений по изменению ситуации (иначе теряется смысл описания и объяснения);

2) для совершенствования аппарата самой науки и ее теоретических подходов, опять с общей нацеленностью на первый пункт;

3) как отражение стремления человека познавать, причем, не детерминированного первыми двумя пунктами, а сводимого к необходимости изучать, открывать что-то новое, отличающееся от известных подходов.

Разумеется, эти три мотива сильно переплетены и неотделимы в реальной жизни исследовательской работы. Однако целевая функция теории — это не существовать ради себя самой, а все-таки объяснять и давать рецепты поведения и влияния на экономику. Данная целевая функция хорошо просматривается, если проследить эволюцию институционализма на протяжении XX века и в начале XXI века, выделяя разнообразие его подходов в наиболее агрегированном варианте. В таблице отражены характеристики диверсификации институциональной теории по условно выделяемым примерно равным отрезкам времени, границы которых отражают появление какого-то яркого направления анализа, которое далее внесло ощутимую лепту в развитие теории или школы.

Как видим из таблицы, предшествующий этап развития институциональной мысли и характерная для него диверсификация программировали следующие этапы, причем не только близлежащий, но задавали возможности изменения анализа на будущее. От Т. Веблена идет традиция исследования эволюции институтов (Веблен, 2010), от Дж. Коммонса — контрактов, транзакций, агентских отношений (Коммонс, 2011), причем эти исследования продолжают и сегодня в рамках нового институционализма, опираясь на весьма мощный аппарат моделирования институтов и агентских взаимодействий.

С течением временем разнообразие школ приходит к насыщению, дав возможности исследования влияния институтов на различные секторы экономики и отдельные объекты, снабдив, по сути, схемой прикладных

Таблица

Диверсификация институциональной теории на «стреле времени»

	1900 – 1930-е гг.	1940 – 1960-е гг.	1970 – 2000-е гг.	2000 – 2020-е гг.
Параметры диверсификации институциональной теории	Сложность социальных проблем, неудовлетворённость их решением, как и стандартными методами решений.	Острая критика неоклассической теории — допущений инст. метода	Трудность неоклассических (несмотря на существенный вклад в теорию передаточного механизма экономической политики) и неоинституциональных школ в объяснении кризисов и трансформации экономики	Высокая диверсификация институционального анализа стала автоматически определять дальнейшее появление теоретических композиций для решения имеющихся проблем
Причина	Сложность социальных проблем, неудовлетворённость их решением, как и стандартными методами решений.	Острая критика неоклассической теории — допущений инст. метода	Трудность неоклассических (несмотря на существенный вклад в теорию передаточного механизма экономической политики) и неоинституциональных школ в объяснении кризисов и трансформации экономики	Высокая диверсификация институционального анализа стала автоматически определять дальнейшее появление теоретических композиций для решения имеющихся проблем
Содержание диверсификации. доминирующие школы и позиции	Три вида институционализма: описательный (Т. Веблен); правовой (Дж. Коммонс); конъюнктурно-статистический (У. Митчелл)	Зарождение и развитие методологии новой институциональной школы, исследующей: общественный выбор; транзакционные издержки; права собственности; агентские соглашения; динамику групп, интересов; управление общими ресурсами	Расцвет неоинституционализма Становление эволюционной экономики	Развитие в контексте предыдущего периода с расширением модельного аппарата. Попытки создания интегративной теории, описывающей большую сложность
Главные результаты, полученные в экономической теории и для политики	Определение влияния институтов на экономическое развитие. При отсутствии чётких рекомендаций для передаточного механизма экономической политики	Широкое применение метода «затраты — выгоды» к различным социальным явлениям, расширение анализа. Определение факторов микроэкономического поведения	«Экономический империализм» и экономическое объяснение «неэкономических» явлений. Определение факторов и условий траектории эволюции различных экономических систем	Кризис экономической науки, распространяющийся за пределы неоклассики. Необходимость решения проблемы долгосрочного роста и других реальных проблем экономического развития. Потребность в новом передаточном механизме эконом. чешской политики и типе организации хозяйства
Перспективы дальнейшего разветвления анализа	Эволюция социальных институтов Технологические изменения и технические знания Факторы развития Контракты и трансакции Права собственности Циклическая динамика	Новый институционализм заложил два последующих вида диверсификации: 1) горизонтальную, сводимую к расширению исследовательских тем; 2) вертикальную, обусловленную появлением новых школ в рамках «экономического империализма»	«Экономический империализм» исчерпывает себя и порождает расширение междисциплинарного подхода в широком ключе. Попытка перехода к холистической парадигме исследования. Стирание границы между старым и новым институционализмом за счет эволюционных моделей, используемых для обоснования передаточного механизма экономической политики	Объяснение новых кризисов и неоходимости типа организации экономики на базе интегративного и эволюционного подходов, попытки создания единой социальной теории за счёт объединения различных научных школ. Модели эволюционного типа с существенным интеллектом, дающие варианты развития и взвешивающие эти варианты, то есть облегчающие аналитический выбор

Источник: разработано автором на основе (Сухарев, 2001. С. 269).

исследований. Однако неудовлетворенность продолжает сохраняться, видимо, по причине того, что получаемые выводы не дают существенных изменений функционирования экономики. Диверсификация возникает как ответ на высокую сложность, то есть выступает средством повышения эффективности анализа с целью получения мер экономической политики, а также отражает устремления исследователей изменить подходы в анализе, чтобы отличиться от других коллег. Тем самым она отражает внутренние методологические проблемы развития институционального анализа и потребность отвечать на изменяющиеся условия хозяйственной деятельности.

Применительно к институционализму выделим следующие причины разнообразия подходов в анализе, вытекающие из природы этого научного направления:

- нормативно-таксономический и априорный (классификационный) характер проводимых исследований и выстраивания самого анализа, являющийся имманентным способом преодоления сложности влияния институтов;

- высокая изменчивость объектов исследования, включая институты, особенно возросшая за последние десятилетия (ранее считалось, что институциональные изменения охватывают большие промежутки времени, что институты более или менее стабильны, но давно это уже не так, что отражается и в анализе);

- наличие институциональной регрессии, которой подвержен сам институциональный анализ (Hodgson, 2010; Сухарев, 2001, с. 255–257);

- результатами исследований становятся рекомендации довольно общего характера, даже на уровне прикладных и секторальных исследований (Vega, Keenan, 2016; Jouida, Hellara, 2018).

Таким образом, сложность объектов исследования, организация самой системы науки и научного поиска, уже имеющиеся и накопленные знания в рамках данной науки влияют на разнообразие подходов, которые в ее рамках появляются и используются. Это в сильной степени детерминирует и стремление исследователей предпринимать какие-то экстраординарные шаги в области изменений теории, делая попытки в области интеграции, либо полной замены допущений и создания сложной интеллектуальной конструкции, обычно ничем не оправданной<sup>1</sup>. Наблюдается

весьма показательный и присущий не только институционализму, но и неоклассике эффект «превышения сложности», когда создаваемая теория, с неживыми допущениями, значительно превосходит реальную экономическую жизнь по своей сложности, разумеется, ничего не проясняя в изменениях этой жизни. В итоге появляется большое число публикаций, с которыми нужно разбираться, как и с их применением, а не воспринимать на веру, если что-то где-то опубликовано, так как факт публикации не гарантирует истинности.

Отмеченная выше институциональная регрессия, которая охватывает разные социальные процессы, хорошо видна на примере дилеммы «Холмса — Мориарти», когда итерации в поведении равных интеллектуально агентов обеспечивают отсутствие эффективного решения. Однако, дело в том, что разрешается регрессия всегда нормативно, когда соответствующая иерархия в управлении отдает приказ. Это можно видеть на студенческом семинаре, когда две группы студентов, обсуждая проблему, не могут определить, кто лучше ее обосновал или предложил решение. Арбитром выступает профессор, наделенный правом разрешить. Конечно, в ряде случаев для разрешения регрессии нужны авторитет и доверие. Диверсификация, расширяющая или дополняющая теоретические знания и направления исследований, также действует в направлении разрешения институциональных регрессий в рамках институционального анализа или иного теоретического направления (Сухарев, 2001. С. 273–274). Институциональная регрессия в самом анализе проявляется по вопросу о том, кто оказывает влияние на функционирование институтов — агенты, либо другие институты, которым подчиняются агенты, принимая решения относительно правил (ввод новых, замена старых, коррекция старых правил). Сложилось два подхода, интерпретирующих данную проблему. Во-первых, «слабый сценарий», по которому институты возникают в соответствии с неким алгоритмом при взаимодействии агентов и выступают параметрами экономики, задающими ее рамки (Ходжсон, 2003; Сухарев, 2001. С. 19). Во-вторых, так называемый «сильный сценарий» (Ходжсон, 2003), по которому

в России — они туманные и расплывчатые в методологическом плане, в связи с чем здесь не приводятся. Подобные попытки сами по себе являются крайне дискуссионными, не дающими значительного продвижения в области методологии институционального анализа, в терминологическом смысле обтекаемыми.

<sup>1</sup> Речь идёт о так называемом «постинституционализме». Работы здесь измеряются единицами, но имеющиеся

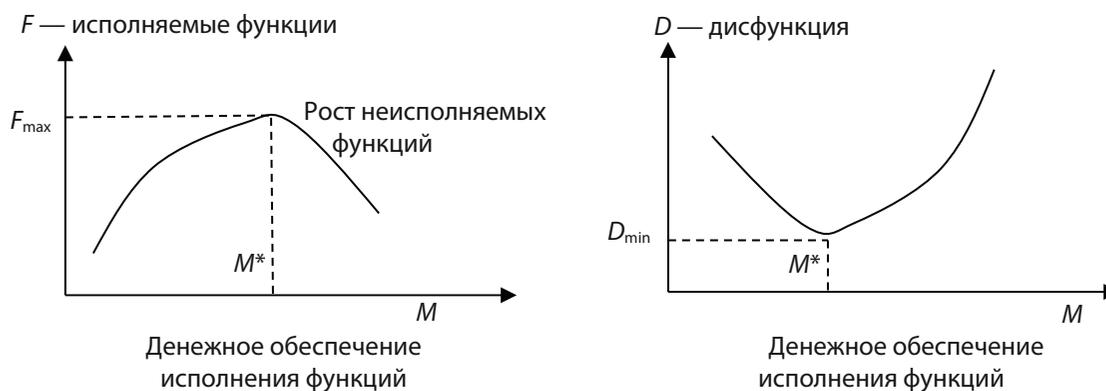


Рис. 1. Исполняемые функции института, дисфункция и денежное обеспечение

происходит самоорганизация институтов, а эффективность функционирования оценивается по экономии транзакционных издержек, предполагая их измерение. Конечно, первый вариант не исключает оценку эффективности по названным издержкам. Однако нужно принимать во внимание, что величина издержек может быть полезна для оценки эффективности только в двух случаях: 1) если имеется аналогичный институт с другими — меньшими издержками, но выполняющий такие же функции, тогда можно сказать, что он эффективнее (сравнительно) относительно первого института; 2) если издержки оцениваются на одну функцию, которые должны исполняться в рамках данного правила, тогда для сопоставления первый вариант не нужен. Измеряя динамику таких издержек, можно говорить об изменении эффективности данного института. Конечно, сравнительный аспект здесь может иметь место, он не отбрасывается. Вместе с тем, принципиально, что по величине транзакционных издержек об эффективности института в большинстве случаев мало что можно сказать. Более того, даже измеряя издержки на одну исполняемую функцию, разные по содержанию институты сравнить непросто, так как их качество различное, наполнение функций, назначение, то есть, содержательная сторона правила. А вот доля исполняемых от общего числа правил может быть весьма важной добавочной качественной характеристикой того, как данное правило обеспечивает приданные ему по факту его ввода функции.

Таким образом, дисфункция института может быть весьма полезной дополнительной характеристикой, причем ее можно применять для оценки общего качества института и в сравнительном анализе. Одни лишь транзакционные издержки и даже удельные издержки не будут полноценной характеристикой эффективности во всех смыслах. На ри-

сунке 1 показана теоретическая схема возможного изменения числа исполняемых функций при увеличении денежного обеспечения функционирования некоторого института. Как видим, рост числа исполняемых функций может зависеть от денежного обеспечения и расти с его ростом (рис., слева). Если происходит рост общего числа функций, но без их денежного обеспечения, то это обернется неисполнением ряда функций, ростом дисфункции. При росте денежного обеспечения рост исполнения может увеличиться, дисфункции — понизиться (рис., справа). Однако при дальнейшем росте денежного обеспечения, например, вызывающем инфляцию, число исполняемых функций сокращается, дисфункция растет (рис., слева-справа). В связи с этим можно предположить, что имеется некий оптимальный объем денежного обеспечения, задающий наибольшее число исполняемых функций при весьма незначительной дисфункции институтов и подсистем экономики. Тем самым, полезно иметь в виду, что росту монетизации имеется объективный предел не только по инфляции или созданию денежного навеса над экономикой, обрушение которого ввергает ее в кризис, а на уровне исполняемых различными подсистемами и правилами, включая и финансовые рынки функций (Сухарев, 2001). Сказанное приводит к необходимости учитывать скорость институциональных изменений наравне с содержанием изменений в анализе экономических изменений и при проведении реформ. Особенно следует учитывать транзакционные издержки, сравнивая текущие и ожидаемые при вариантах изменений, причем сопровождая такие оценки функциональным анализом. Иначе институциональная картина, или институциональный атлас (Попов, 2007), будет явно неполный.

Таким образом, институциональные изменения поддаются весьма сложной оценке

с позиций стереотипного подхода к эффективности. Как минимум, этот подход следует расширять за счет оценки издержек по функциям, а также оценивать дисфункцию данной системы или института (в зависимости от того, что рассматривает исследователь).

Если рассмотреть параметр института как  $I$ , то  $dI/dt$  характеризует скорость его изменения по этому параметру. Кстати, это может быть набор параметров, тогда нужно обратиться к векторной записи. В случае, когда отсутствуют мутации, трансформации (в силу влияния иных правил) института или внешние коррекции со стороны правительства,  $dI/dt = 0$ . Изменения отсутствуют. Хотя функциональный набор, который стабилен, может изменяться в том смысле, что из этого набора часть функций перестают должным образом исполняться. Причем это может не сказываться какое-то время на издержках, которые позже должны по идее возрасти.

Если скорость изменений присутствует (изменения происходят) и постоянна  $dI/dt = a$ , или меняется по некоему закону,  $dI/dt = z(t)$ , то можно определить параметр  $I(t)$ , интегрируя указанные выражения. Однако данное модельное представление не учитывает не только функциональное (качественное) перерождение института или системы, но и аккумуляцию изменений за прошедшие периоды времени. А они, в свою очередь, могут иметь свою инерцию, что скажется на текущем варианте институциональных изменений. Одновременно, изменение экономической реальности приводит к модификации правил на коротком интервале, а не на длинном, причем значительной. Более того, действия многих правительств содержат перманентные изменения правил, воздействия на институциональную структуру формальных норм. В таком случае представленные модели приобретают больший вес, хотя не лишаются недостатка учета функционального набора институтов.

Таким образом, институциональные коррекции стали инструментом современного передаточного механизма экономической политики, что выдвигает и новые требования к институциональному анализу. Они касаются, например, скорости проведения институциональных реформ (см. рис. 2). Если  $dI/dt > b$ , то происходит резкий скачок по дисфункции и снижение качества института. До этой величины дисфункция может как-то нарастать, качество даже немного повышаться до некоторого уровня, затем начать снижаться (предполагается, что связь дисфункции и качества

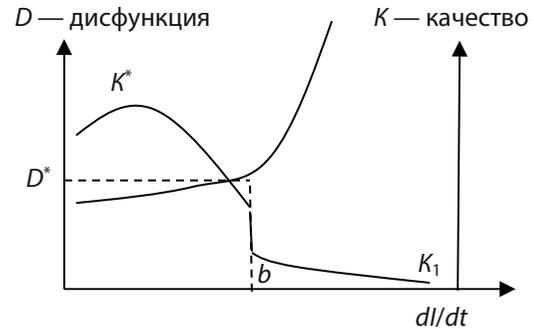


Рис. 2. Скорость институциональных изменений и дисфункция

нелинейная). Конечно, рисунок 2 отражает один из возможных вариантов динамики, но каждый динамический режим для отдельно взятого института или системы должен определять на основе эмпирического анализа его функционирование (в ходе полевых исследований). Скорость  $b$  для данного института будет критической, в связи с чем институциональные коррекции не должны выйти за эту величину. Кроме того, данная величина дисфункции  $D^*$  может быть обеспечена не только частотой коррекций, но и изменением содержания правила, а также обрамляющей его структуры правил. И это также может понизить качество по линии  $K^*K_1$  (вертикальному отрезку  $b$  на рисунке 2).

Проблема институционального анализа может быть сведена к определению пороговой скорости изменения институтов, в том числе по каждому отдельно и совместно, а также масштаба содержательного изменения института, приводящего к аналогичному эффекту. Именно потому, что институты отличаются, такая задача выглядит весьма нетривиальной. Вполне возможно, что достаточно решения, касающегося общей величины дисфункции институтов при их изменении и динамики трансакционных издержек, в том числе удельных — как на одного агента, так и на одну функцию. Одновременность применения таких критериев работает на преодоление сложности оценки и выбора решения. Отдельно возникает проблема качества, скорости изменений и издержек (которые, видимо, зависимы, причем издержки определяются скоростью изменений, так как возрастают трудности адаптации) и проводимой политики институциональных изменений, что и рассмотрим ниже, перейдя затем к попытке очертить перспективы развития современного институционального анализа

## 2. Качество институтов, издержки и политика

Институционализм за время своего развития достиг существенных успехов в объясне-

нии технологических изменений, поведения фирм, используя модели популяции фирм и рутин (Нельсон, Уинтер, 2000), причем новая школа пользовалась моделями, переняв многое от неоклассики, дав некоторые рекомендации для микроэкономической (отраслевой) политики. Старая школа не пользовалась моделями (за исключением эволюционной теории игр в последние несколько десятилетий, агент-ориентированных моделей и нейроалгоритмов), но не увеличивала попыток понизить сложность. В итоге описательный характер не обеспечил четких рекомендаций, замкнув работы на общем методологическом уровне. Однако обе школы (хотя вклад их различается существенно) не внесли определяющего вклада в формирование передаточного механизма экономической политики, который отобрал бы эту прерогативу у неоклассики и ее школ. Причем у новой школы шансов было больше, так как их менее интересовал вопрос, например, происхождения институтов, имеющих чисто теоретическое, может быть, умоглядное значение. А вот вопрос обоснования рекомендаций для экономической политики делает анализ сразу полезным в прикладном смысле. Холизм, междисциплинарность, отказ от абстрактных моделей, интеграция теорий и создание общей теории являются хорошими заявлениями исследователей, но только в одном случае, если позволяют решать стоящие проблемы. Конечно, всегда имеется аргумент, что оторванные от реальности модели также мало что позволяют. Однако модели следует строить как можно более простыми и понятными, способными объяснить какие-то реальные процессы, и не усложнять контекст методов, когда сложность теоретической конструкции выходит за рамки понимания экономики. Причем этот эффект обнаруживается и на уровне допущений теории, и при построении моделей и их апробации. Тем самым вся методологическая цепочка реализации научного направления подвержена накоплению ряда неточностей. В определенном смысле снимает их прикладной эмпирический анализ, применяющий алгоритмы полевых исследований. Более того, есть принципиальная разница, рассматривается ли один отдельно взятый институт, либо набор институтов, или институты в экономике в некоем агрегатном смысле. Институционалисты разных школ, в общем-то, часто делают ту же методологическую ошибку, что и неоклассики — переносят полученные мыслительные результаты с модельной ситуации на общие условия функци-

онирования<sup>1</sup>. Так, полученные умозаключения по работе одного отдельного института могут быть перенесены на другие, либо управление общим ресурсом (Ostrom, 2005) трактоваться в прошлые эпохи с позиций современного дня. Либо создается идеалистическая конструкция равенства нулю трансакционных издержек (Coase, 1992) и для нее определяется какое-то условие, которое затем используется в анализе, пренебрегая тем, что изначально случай был описан нереалистичный<sup>2</sup>. Компромисс между простотой и сложностью — это всегда проблема для модельщика в области экономической науки, которую отмечали известные эконометрики (Tinbergen, 1981, 1993, 1995).

Казалось бы, методологические проблемы институционализма можно свести к разделению анализа (старая и новая школы), изменению объекта исследования, вытекающим терминологическим и понятийным разногласиям (дается только лишь определений института, институциональных изменений и трансакционных издержек — более десятка) или преобладанию индуктивного подхода для старой школы, ретроспективного анализа, но дело не только в этом. Разделить институциональное влияние никакими методами не удастся, поскольку институты работают все сразу, иногда на перекрещивающихся или рядом рас-

<sup>1</sup> В таком случае требуется уделять особое место оценке адекватности перенесения — как центральной задачи верификации того, как получена и используется модель или модельная ситуация. Следует показать, что принятые допущения не меняют то, что наблюдаем в реальности вне зависимости от того, присутствуют они либо отсутствуют. Если этого нельзя сделать, или не удастся сделать по каким-то причинам, перенесение полученных выводов будет вряд ли высоко полезным. Однако, на практике никто не запретит пользоваться моделями — в таком случае они превращаются в институт принятия решения, влияния на экономику. Конечно, если данные модели используются в области экономической политики для обоснования решений. В некоторых ситуациях этот институт может приобретать большую силу — трансформируя хозяйственную систему до неузнаваемости.

<sup>2</sup> Бывают случаи допущений, когда рассматривается предприятие, которое либо работает само на себя, либо изготавливает продукцию для других предприятий, тем самым переключая режим производства. Однако, если, огрубляя, для одного предприятия еще можно допустить такое поведение как частный случай, то перенести такую схему, скажем, на всю промышленность или машиностроение как центральный ее блок вряд ли отвечает реальности. Проблема дискуссий в российской экономической науке сводится к тому, что возражения воспринимаются как критика, и всегда кто-то найдёт аргументы в защиту, но взвешивать аргументы, как и отдельные параметры, экономисты пока не научились. Поэтому умножают методологические ошибки, причем автор не является исключением.

положенных полях действия, которые сами по себе могут быть как-то связаны (Сухарев, 2001. С. 246). Это создает часто непреодолимую сложность. Поэтому, когда происходит изменение института, то отнюдь не одного единственного, да и понять, к чему это изменение привело, можно только спустя какое-то время. Тем самым надо прожить время вместе с этим изменяющимся институтом, который также, не исключено, будет еще несколько раз изменяться. Это присуще даже контрактам, которые для исследования представляются некой статичной конструкцией, что не всегда так, по крайней мере, окружение сделки точно изменяется многократно, влияя на перспективу исполнения контракта даже с периодом в один год. В связи с этим, следуя двойному контуру верификации экономического знания, предложенному ранее автором (Сухарев, 2001. С. 233), не удастся с необходимой точностью применить никакой подход — ни модельный, ни описательный. Следовательно, задача институционального анализа может быть сведена только, на мой взгляд, к тому, чтобы дать как можно более точное применение одного и другого, то есть ориентироваться на полевой формат эмпирически подтверждаемых исследований<sup>1</sup>.

При этом удастся решить и задачу обеспечения институционального качества, а также определить связь его со скоростью изменений и динамикой издержек, дать политические рекомендации применительно к объекту.

Проблема качества институтов занимает во многих исследованиях существенное место (Ménard, 2018; Hove et al., 2017; Сухарев, 2005; Попов, 1997). Различия в развитии многих стран, имеющих похожие секторы, но показывающих их кардинально различное функционирование, или отдельных отраслей в рамках одной и той же страны, часто объясняют состоянием институтов (Орехова, 2016), учитывая аспекты ограничений, барьеров, организации правил, воздействующих на структуру рынка. В этом смысле возникает проблема оценки качества институтов, помимо того, что ситуация может отличаться по числу регулирующих институтов, значение приобретает их состояние. Под качеством обычно понимается совокупность свойств продукта или услуги, удовлетво-

ряющих потребности и отвечающих установленным нормативам (конвенции качества)<sup>2</sup>.

Если институты быстро изменяются — это не гарантирует низкого качества, но создает основания полагать, что в силу издержек адаптации, возможного расстройтва базовых функций качество работы института будет невысоким, если его перманентно изменять. Обычно сам процесс изменений будет связан с ростом транзакционных издержек. Частота изменений института, видимо, не будет кардинально улучшать его качество функционирования, хотя необходимость изменений обычно диктуется именно потребностью улучшить работу института.

В сравнительных исследованиях задача оценки качества институтов может быть сведена, аналогично техническим наукам, к выбору определенных характеристик либо функций, который должен исполнить институт, и их оценке, которая представляется в виде:

— сравнения одной характеристики или функции, либо по каждой в отдельности (по содержанию характеристики или функции);

— сопоставительной оценки каждого параметра, функции с неким базовым показателем (норматив, либо желательное требование к этому параметру, функции);

— измерения всей совокупности параметров, выделенных для рассмотрения и характеризующих работу института: выделяем цель, область работы, функционал, время, издержки, устойчивость к внешним и внутренним воз-

<sup>1</sup> В России я знаю только одну мощную институциональную школу, созданную член-корр. РАН Е.В. Поповым, практикующим именно такой подход (Попов, 2007). Сочетание сутобо теоретического и измерительного подходов практикует автор статьи. См работы (Сухарев, 2001, 2005, 2019).

<sup>2</sup> Французский новый институционализм оказал на эту тему существенное влияние, например, Ф.Эмар-Дювернье. (См. работу: Эмар-Дювернье Ф. Конвенции качества и множественность форм координации// Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 104–116). В этой работе излагается, что различные способы оценки качества фактически задают «конвенции качества». Наличие таких конвенций имеет принципиальное значение для институциональной методологии. Возникает несколько видов качества в зависимости от способов количественной оценки, по крайней мере, если и не видов, то различных измерений. Такое положение заставляет исследователя осуществлять выбор, на какие изменения ориентироваться, по сути, какое качество института считать в исследовании основным, либо учитывать все возможные варианты такой оценки качества — «конвенции качества». Однако учет всех возможных способов явно будет затруднять анализ и итоговые рекомендации. В области технических наук существует наука квалиметрия, об измерении в т. ч. и качества, где применяются единичные, относительные, комплексные и интегральные показатели качества. Данную методологию вполне можно использовать относительно отдельно рассматриваемых институтов, а также некой их совокупности, выделяя необходимые параметры и функции.

действиям; затем сравниваем текущие характеристики с базовыми, насколько они отклоняются, задаем вес каждой характеристики, насколько она значима в работе института (экспертно-балльный способ оценки), рассчитываем обобщенный критерий как сумму взвешенных отклонений по каждому параметру<sup>1</sup>;

— интегральной оценки качества института по разрабатываемым индексам, также применяющим экспертную оценку весов отдельных параметров;

— измерения качества институтов по величине дисфункции (Сухарев, 2000, 2001, 2005, 2019), как расстройств функций, степени неисполнения от всего набора необходимых к выполнению функций;

— интегрального параметра эффективности, рассчитываемого как отношение полезного эффекта<sup>2</sup> функционирования института (при условии возможной количественной его оценки) к величине затрат на создание, ввод в эксплуатацию данного института, возможную коррекцию в ходе его функционирования;

— измеряемой величины адаптации, например, по времени, когда издержки адаптации перестают расти или понижаются (что говорит об исчерпании процесса адаптации к правилу), причем адаптация возникает трех видов — дополнения, замещения и к новому институту.

Если происходит замещение или появляется новый институт, то качество может быть оценено только этого нового института, неважно, заместил он действующее правило либо появился как абсолютно новое правило, ранее не существовавшее. Это качество может быть сопоставлено по списку приводимых выше подходов к его оценке с качеством уже дей-

ствовавшего и замененного института (по равнозначному методу).

Только если происходит коррекция действующего правила, полезно оценить качество одним и тем же методом или методами до коррекции и после ее осуществления, потому что меняются и функциональный состав, издержки, и время функционирования до следующей коррекции и т. д. Все эти параметры отражают качество работы данного правила, могут применяться для его оценки.

Следовательно, для всех видов адаптации можно измерять тем или иным способом качество института и осуществлять сравнительный анализ. Проблема состоит в том, что только метод сравнения с базовыми нормативами, а также определения расстройства функций включает в оценку качества агента, собственно который и подчиняется (либо не подчиняется) правилу, обеспечивая исполнение (неисполнение) приданных ему функций. Оценка по затратам и полезному эффекту (также для агента) выглядит более агрегированной и по этой причине наиболее общей, особенно если учесть трудности оценки полезного эффекта по ряду институтов. В отдельных случаях этот полезный эффект может быть установлен опросом или балльной оценкой (когда выгода от функционирования института имеет не столько материальную сторону, сколько нематериальный эффект).

Таким образом, задача повышения качества даже одного института, не говоря о наборе институтов, регулирующих какой-то сектор, отрасль, экономику, сводится к системному воздействию на подавляющее число их характеристик и функций в улучшающем направлении. При этом следует учитывать, что на доведение параметров до необходимого уровня нужны затраты, которые потребуются сопоставить с потенциальной выгодой (включая нематериальную компоненту, имманентную для институтов), чтобы сделать вывод о возможности улучшения качества. Конечно, на практике возникают режимы, когда, стремясь улучшить качество, его ухудшают производимыми изменениями. Поэтому аспект издержек, причем как функционирования института — транзакционных, так и его замещения — трансформации, имеет первостепенное значение в таком анализе.

Ставя задачу экономии транзакционных издержек, в том числе и при обеспечении качества институтов, часто именно так рассматривают задачу обеспечения институциональной эффективности (Норт, 1997; Эггертсон, 2001).

<sup>1</sup> Аналогичная методология применяется в технике для расчета комплексного показателя качества изделия. Она может быть применена для оценки и сравнения в работе институтов.

<sup>2</sup> Полезный эффект выступает таким параметром, который не всегда удается оценить, он требует конкретизации по отношению к каждому рассматриваемому институту, причем, поскольку они действуют одновременно и, бывает, корректируются как-то синхронно со сдвижкой времени, то эффекты динамически изменяются, влияют друг на друга. В таком случае чистая оценка становится весьма проблематичной, особенно ожидаемого эффекта. Абсолютно такой же довод относится к так называемой «транзакционной ценности», которая часто противопоставляется величине транзакционных издержек в следующей постановке. Считают институциональную эффективность по экономии издержек, но вводят функцию максимизации «транзакционной ценности», иными словами, полезного эффекта, о котором идет речь, причем, не определяя саму ценность.

Однако величина трансакционных издержек сама по себе не составляет величину эффективности института. Если дисфункция — это доля неработающих функций в общем их числе  $D = 1 - F/F_0$ ,  $F$  — число исполняемых функций, приданных правилу,  $F_0$  — общее число функций, то институциональную эффективность было бы справедливо представить  $E = F/Tg$  как число исполняемых функций, приходящихся на единицу трансакционных издержек (рассматриваемых как полные издержки для данного института). Откуда несложно показать, дифференцируя дисфункцию и институциональную эффективность по времени и полагая, что дисфункция должна снижаться как цель политики в отношении институтов (как направление экономической политики), а институциональная эффективность расти, следующую позицию. Темп роста эффективности должен превышать разницу темпов роста общего числа функций и трансакционных издержек, причем темп роста общего числа функций должен быть выше темпа роста трансакционных издержек. Это неукоснительное математически достоверное требование исходя из указанных критериев оценки качества института по его дисфункции и эффективности по числу функций на единицу издержек.

Если институциональную эффективность представлять по иному критерию, как отношение некоего дохода или выгоды к трансакционным издержкам, то возникает вопрос, для кого дохода, для всех агентов, но для каждого видимо он будет разный. Чтобы получить аналогичное соотношение, потребуются иметь связь темпа роста дохода и темпа роста исполняемых функций, положив их зависящими от дохода. В таком случае связь дисфункции и эффективности также может быть получена для конкретного института или агрегированного их набора.

С точки зрения поиска политических рекомендаций видно, что целью выступает снижение дисфункции и увеличение эффективности. Лучший вариант, когда исполняется большее число необходимых функций (или обеспечивается большее число релевантных параметров правила) на единицу издержек.

Нужно отметить, что замена цели экономии издержек, которая является фундаментальной целью экономической науки, на максимизацию «трансакционной ценности» выступает необъективной и неадекватной подменой. Известная функция минимизации потерь и функция максимизации благосостояния, используемая в теории экономической политики

(Tinbergen 1981), не заменяют друг друга, а используются для постановки соответствующих задач и в подборе инструментов экономической политики, которые дифференцированы и могут отдельно действовать на минимизацию потерь — одни на увеличение выгоды, другие — дохода. Причем минимизация потерь в определенной степени также работает на увеличение благосостояния. Подобные разграничительные линии в современном институционализме только заведут, на мой взгляд, методологическую дискуссию в тупик. Тем более, что коренная проблема теории трансакционных издержек состоит в том, что они являются полными издержками только для определенного набора секторов (информация, услуги, включая финансовые, торговля, управление), а для других видов деятельности (обработка, сырьевые виды деятельности) — это только часть издержек, причем не самая большая. В связи с этим, когда Д. Норт выделял трансакционный сектор, собирая все виды трансакционной деятельности, он фактически получал величину трансакционных издержек в экономике (Норт, 1997), и если и вести речь о таком секторе, то в макроагрегатном виде (это тоже своеобразная модель, так как такого именно сектора как сектора в экономическом смысле просто нет, как сектора машиностроения). Это издержки, вырванные из общей номенклатуры затрат по тем видам, которые не являются полностью трансакционными. Поэтому неоклассики, создав общую теорию цен, конечно, калькулировали все издержки. В связи с чем претензии Р. Коуза и О. Уильмсона к ним можно считать не вполне обоснованными (Coase, 1994; Williamson, 1998). Если имеется теория трансакционных издержек, должна быть теория трансформационных (производственных) издержек, и все это соотноситься, по идее, с общей теорией цен неоклассического типа.

Замена цели экономии издержек целью максимизации некоей ценности или потребительной стоимости (Сухарев, 2005. С. 307–318)<sup>1</sup> не является оправданным в методологическом смысле приемом, так как реализацию подобных целевых функций в области теории экономической политики необходимо осуществлять параллельно, что разнообразит различные инструменты.

<sup>1</sup> Автор вводил понятие потребительной стоимости для институтов, заимствуя этот термин и методику оценки из области «экономики качества», применительно к продуктам. Удалось показать, как работает этот показатель при замене институтов.

Как видим, проблема качества, издержек, обоснования мер политики на институциональном уровне анализа имеют существенную взаимную детерминацию. Институты могут по-разному влиять на динамику цен, что определяется и правилами формирования и изменения цен (в частности, поведение в этой части естественных монополистов или крупных олигополий детерминировано структурой рынка и правилами ценовой политики, а это институциональные параметры), а также качеством и порождаемыми институтами издержками, которые вносят лепту в общую динамику цен. Поэтому идея институциональной инфляции выглядит вполне обоснованно, подчеркивая то, какой взнос могут внести институты в динамику цен. Иное дело, что также как и по иным направлениям, о которых здесь велась речь, оценка этого вклада институтам представляется перспективной и интересной задачей, которая на настоящий момент не может быть признана решенной. Хотя аспекты, например, влияния таргетирования<sup>1</sup> (имеется масса работ, приводимых в начале статьи, по изучению влияния различных институтов на банки, финансовую систему, и самих финансовых институтов на рост и т. д.), как института, рассмотрены и с высокой точностью показаны на модельном уровне анализа.

Завершая проведенный анализ, сосредоточимся на кратком подведении итогов в части оценки перспектив развития современного институционализма.

### 3. Перспективы развития институциональной теории

Диверсификация институционального анализа, происходящая по горизонтальному типу, означает развитие теории «вширь». Попытки же создать кардинально новые направления или подойти к единой социальной теории, то есть, подчиняясь логике развития теории «вглубь» (что ближе к вертикальной диверсификации науки), наталкиваются на «эффект превышения сложности». Новые конструкции не позволяют решить старые проблемы анализа, расширяя число проблем, вытекающих из допущений или установок нового типа.

Увеличение числа терминов, классификаций, толкований, трактовок составляют вектор развития знания «вширь», что не позволяет ощутимо продвинуться в решении указан-

ных выше проблем изменения институтов, качества, эффективности функционирования. Институциональный анализ может раскрыть явления уже после того, как они произошли — и только на этой эмпирической базе выявить определенные закономерности. Совсем не факт, что эти закономерности подтвердятся на следующих этапах развития институтов.

Кроме того, широко известная в экономической науке проблема выбора, в частности распределения ресурсов, имеет известные сложности в ее решении, однако все-таки имеется аппарат структурного анализа и оптимизационных моделей, позволяющих как-то прояснить ситуацию (Tinbergen, 1981, 1995). Вместе с тем выбор структуры институтов, как отмечал Я.Тинберген в своей нобелевской лекции, составляет основополагающую проблему всей экономической науки, причем, с одной стороны, структура институтов будет явно влиять на распределение ресурсов, ограничивая различные модели, с другой стороны, структура распределения ресурсов будет в какой-то степени детерминировать структуру правил, их эффективность. Однако вопрос этой взаимной детерминации нельзя признать решенным в современной экономической науке — институционализм и неоклассика здесь оказываются бессильны. Следовательно, проблема выбора упирается в границы познания и может быть решена лишь локально — к определенным и четко обозначенным случаям выбора, на отраслевом или фирменном уровне, да и то небезупречно. В этом имеется явное продвижение теории. Диверсификация институционального анализа расширяет границы и возможности теоретического аппарата, но и выступает отражением развития «вширь».

Таким образом, подводя некоторый итог проделанным рассуждениям и приведенным аргументам, можно обозначить три большие группы методологических проблем современного институционализма.

Во-первых, терминологически-понятийные, когда вводятся нормативно различные определения либо из целей исследования (это вполне оправданно), либо исходя из карьерных устремлений экономиста (что не имеет оправданий, хотя доказать такой умысел практически невозможно).

Во-вторых, наличие «большой институциональной дихотомии» в виде старого и нового институционализма (хотя второй вышел из первого, так как все практически основные темы его исследования заданы трудами старых институционалистов). Старая школа полагает,

<sup>1</sup> См.: Сухарев О. С. Управление инфляцией и адекватность таргетирования политики экономического роста. // Управленец. 2020. Т. 11. № 1. С. 33–44.

что институты формируют индивидов, новая школа считает прямо противоположным образом. К тому же имеются серьезные разногласия по ряду важных допущений и методов анализа (Ходжсон, 2003; Сухарев, 2001. С. 493–494, 506).

В-третьих, наличие институциональной регрессии и трудности в разработке передаточного механизма макроэкономической политики, так что институциональные коррекции, осуществляемые правительствами до сих пор, не приведены в какую-то последовательность и стройность, с подчинением задачам экономического развития. Хотя они проводятся, конечно, вроде бы именно с такой целью.

Из сказанного следует, что современному институционализму необходимо искать ответы на коренные вопросы, например, как оценивать эффективность институтов, должна ли эта оценка на уровне критерия варьироваться по типам институтов и фокусироваться каждым типом в отдельности, и могут ли эффективные институты появиться или быть введены при исходной неэффективной структуре институтов. Относительно институциональных изменений не столько важен их генератор, сколько скорость, особенно если они генерируются посредством механизма институциональных коррекций правительства. Скорость разрушительна даже в механике, а относительно социальных систем значительная скорость изменения институтов может расстроить их функции, увеличить дисфункцию и понизить эффективность, оцениваемые по тем критериям, которых здесь приводились. Важно искать ответы на вопросы соотношения институциональной эффективности с аллокативным и адаптивным типами эффективности, а также социальной, организационной, экологической, бюджетной и т. д. Задача обеспечения экономии ресурсов в экономической науке была и остается центральной при рассмотрении любых проблем, в том числе и институциональных.

Подводя итог, выделим проблемные перспективные направления, представляющие интерес с точки зрения будущего развития институционализма.

1. Разнообразие экономического анализа. Отказ от априорных установок. Увеличение теоретического дискурса в экономической науке и институционализме также должно представлять интерес в перспективе, так как может отнюдь не облегчать анализ и не расширять его возможности, а запутывать многие аспекты.

2. Противопоставление механических и биологических аналогий не приводит к результату, так как даже кризис не рассматрива-

ется с точки зрения напрашивающихся биологических представлений. К тому же параллели с социальными процессами являются весьма натянутыми.

3. Экономическая эффективность требует учета институциональных факторов, определяющих ее. Рост эффективности может происходить на исходной неэффективной траектории развития или в диапазоне неэффективных решений. Требуется расширение взгляда на эффективность и качество институтов.

4. Экономический рост связан с институтами, но при этом дисфункции институтов должны снижаться. Это потребует изменений в анализе институтов и рекомендаций в рамках институциональной макроэкономики (наиболее приемлемый вариант этого направления давала до сих пор французская ветвь институционализма в виде теории регуляции (Буайе, 1997)).

5. Соотношение трансакционных и трансформационных издержек обнажает проблему теории трансакционных издержек как некой части современного институционализма (Сухарев, 2001. С. 532–540).

Суммируя, необходимо заметить, что общую перспективу институционального анализа в современном его виде составляет ориентация на конкретные практические проблемы и подбор методов их решения, подчиняясь целевой функции минимизации потерь и максимизации благосостояния. Методы институционального дизайна, проектирования и ввода институтов должны подчиняться этой общей методологической цели. В таком случае перспективы институциональной теории, на мой взгляд, будут вполне обнадеживающими, по крайней мере, что касается полноценного учета влияния институциональных факторов на экономическое развитие.

### Заключение

Завершая проведенный анализ, дадим два наиболее релевантных вывода, определяющих полезное, с нашей точки зрения, состояние институциональной теории в ближайшем и отдаленном будущем. Причем эти две позиции будут иметь вес не только для институционального направления, но и всей экономической науки.

Во-первых, конъюнктурное развитие экономической теории, очевидно, не принесет ей большого успеха. В связи с этим требуется разрабатывать подходы, которые выходили бы из-под гильотины «эффекта превышения сложности». Причем критерием здесь явля-

ется прикладной характер институциональных исследований (дающий реальную апробацию либо на объекте, либо на модельном уровне) в различных сферах и направлениях от ресурса общего назначения (Остром, 2010) до миниэкономических институтов знаний (Попов, 1997), а также финансовых институтов (Шмоллер, 2016) или изменения дисфункций (Сухарев, 2019) в рамках моделей влияния их на рост системы.

Во-вторых, диверсификация институционального анализа, полагаю, не всегда играет позитивную роль в части расширения возможностей этого анализа по исследованию различных институциональных проблем. В связи с этим необходима бдительность по поводу появления нового интегративного варианта институционализма, уводящего его от решения актуальных проблем.

#### Список источников

- Алле М. Экономика как наука. — М.: Наука для общества, РГГУ, 1995 — 168 с.
- Блауг М. Методология экономической науки или как экономисты объясняют. — М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. — 416 с.
- Бренан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. — СПб.: Экономическая школа, 2005. — 272 с.
- Буаие Р. Теория регуляции. — М.: Наука для общества, РГГУ, 1997. — 212 с.
- Веблен Т. Теория праздного класса. — М.: Либроком, 2011. — 368 с.
- Гэлбрейт Дж. К. Экономика невинного обмана. — М.: Издательство «Европа», 2009. — 88 с.
- Клейнер Г. Б. Эволюция институциональных систем. — М.: Наука, 2004. — 240 с.
- Коммонс Дж. Правовые основания капитализма. — М.: Издательский дом «Высшая школа экономики», 2011. — 416 с.
- Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. — М.: Финстатинформ, 2000. — 474 с.
- Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. — М.: Издательский дом «Высшая школа экономики», 2010. — 256 с.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
- Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. — М.: Новое издательство, 2013. — 324 с.
- Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. — М.: Мысль, 2010. — 447 с.
- Орехова С. В. Теоретическая модель анализа институциональной среды отраслевых рынков // Теоретическая и прикладная экономика. — 2016. — № 3. — С. 164 — 176.
- Попов Е. В. Эволюция институтов миниэкономики. — М.: Наука, 2007. — 542 с.
- Сухарев О. С. Институциональная теория и экономическая политика. К новой теории передаточного механизма в макроэкономике. — М.: ИЭ РАН, 2001. — 576 с.
- Сухарев О. С. Экономические очерки по институциональной теории и политике реформизма. — Брянск: БГТУ, 2000. — 190 с.
- Сухарев О. С. Институты и экономическое развитие. — М.: ДеКа, 2005 — 378 с.
- Сухарев О. С. Экономическая теория эволюции институтов и технологий. — М.: Ленанд, 2019. — 312 с.
- Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории. — М.: Дело, 2003. — 464 с.
- Шиллер Р. Иррациональный оптимизм. — М.: Альбина Паблишер, 2017. — 418 с.
- Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. — М.: Дело, 2001. — 408 с.
- Bicen P., Malter A. J. The new institutional economics (NIE) approach to geographical indication (GI) supply chains: A case study from Turkey. Case Studies in Food Retailing and Distribution, 2019, P. 105–118.
- Coase R. Essays on Economics and Economists. — University of Chicago Press, 1994. — 222 p.
- Coase R. The Institutional Structure of Production (Nobel Prize lecture) // The American Economic Review. — 1992. — Vol.82. — No. 4. — P. 713–719.
- Eggertsson T. Quick guide to New Institutional Economics // Journal of Comparative Economics. — 2013. — Vol. 41(1). — P. 1–5.
- Hodgson G., Knudsen Th. Darwin's Conjecture: The Search for General Principles of Social and Economic Evolution. — University of Chicago Press, 2010. — 290 p.
- Hodgson G. M. Observations on the legal theory of finance // Journal of Comparative Economics. — 2013. — Vol. 41. — No. 2. — P. 331–337.
- Hove S., Tchana F. T., Mama A. T. Do monetary, fiscal and financial institutions really matter for inflation targeting in emerging market economies? // Research in International Business and Finance. — 2017. — Vol. 39, Part A. — P. 128–149.
- Jouida S., Hellara S. Diversification and target leverage of financial institutions // Journal of Multinational Financial Management. — 2018. — Vol. 46. — P. 11–35.

- McKillop D., French D., Quinn B., Sobiech A. L., Wilson J. O. S. Cooperative financial institutions: A review of the literature // *International Review of Financial Analysis*. — 2020. — Vol. 71.
- Meador J. E., Skerratt S. On a unified theory of development: New institutional economics & the charismatic leader // *Journal of Rural Studies*. — 2017. — Vol. 53. — P. 144–155.
- Ménard C. Research frontiers of new institutional economics. *RAUSP Management Journal*. — 2018. — Vol. 53. — No. 1. — P. 3–10.
- Myrdal G. *The Political Element in the Development of Economic Theory*. — Transaction publishers, 1990. — 298 p.
- North D. Institutions // *The Journal of Economic Perspectives*. — 1991. — Vol. 5. — No. 1. — P. 97–112.
- North D. *Institutional Change and American Economic Growth*. — Cambridge University Press; Reissue edition, 2008. — 292 p.
- Ostrom E. *Understanding Institutional Diversity*. — Princeton University Press, 2005. — 376 p.
- Prévost B., Rivaud A. The World Bank's environmental strategies: Assessing the influence of a biased use of New Institutional Economics on legal issues // *Ecosystem Services* — 2018. — Vol. 29, Part B. — P. 370–380.
- Tinbergen J. The Use of Models: Experience and Prospects // *The American Economic Review*. — 1981. — Vol. 71 — No. 6. — P. 17–22.
- Tinbergen J. *Entering the third millennium: some suggestions*. — Rotterdam, 1992. — 40 p.
- Tinbergen J. The Duration of Development // *Journal of Evolutionary Economics*. — 1995. — Vol. 5(3). — P. 333–339.
- Vega D. E. C., Keenan R. J. Situating community forestry enterprises within New Institutional Economic theory: What are the implications for their organization? // *Journal of Forest Economics*. — 2016. — Vol. 25. — P. 1–13.
- Williamson O. E. *Markets and Hierarchies: Analysis and Anti-Trust Implications: A Study in the Economics of Internal Organization*. — New York, NY: Free Press [u.a.], 1975. — 286 p.
- Williamson O. E. *The Economic Institutions of Capitalism*. New York: Free Press, 1998. — 468 p.
- Williamson O. E. The Theory of the Firm as Governance Structure: From Choice to Contract // *Journal of Economic Perspectives*. — 2002. — Vol. 16. — No. 3. — P. 171–195.

### Информация об авторе

**Сухарев Олег Сергеевич** — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук (Москва, Российская Федерация; e-mail: o\_sukharev@list.ru).

For citation: Sukharev, O. S. (2020). Methodological Problems and Prospects of Modern Institutionalism. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 17 (4), 904–921

**Sukharev O. S.**

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation; e-mail: o\_sukharev@list.ru)

### Methodological Problems and Prospects of Modern Institutionalism

*The purpose of the study is to identify the main methodological problems of the functioning of modern institutional theory in order to determine the main limitations in its application and describe the key directions for improving the apparatus of this theory in the future.*

*Methodologically, this study relies on generally accepted provisions of institutional theory, retrospective and comparative analysis, taxonomy and generalization method. These methods are used to identify the stages and types of diversification of institutional analysis, its possible causes and their impact on the analytical capabilities of the old and new institutional schools. Thus, the problem of diversification of institutionalism is outlined in relation to methodology of institutional analysis and economic theory.*

*One of the key problems in this respect is associated with the immanent limitations inherent in the formation of the transmission mechanism of macroeconomic policy. This topic also holds much potential for further scrutiny as an independent area within the field of institutional macroeconomics. Approaches to assessing the quality of institutions are described and it is shown that the quality of institutions can significantly affect economic development, although different types of institutions may not be comparable in terms of quality assessment criteria as well as in terms of transaction costs.*

*Measurement of the dysfunction of an institution by looking at the number of non-performing functions can be used to assess institution quality. Together with the assessment of institutional efficiency depending on the number of functions per unit of transaction costs, the above-described method provides relevant parameters that can be taken into account to decide whether a new institution should be introduced or an old one replaced. Contradistinction of the goal of saving transaction costs to the goal of maximizing the value of institutions cannot constitute a point of change in institutional analysis, since the functions of loss and welfare are used simultaneously in economics and no major objections are raised to their application to the analysis of institutions.*

*The article brings to light the problem stemming from the expansion of institutional analysis or the «effect of exceeding complexity», which means that the theoretical constructions and models turn out to be inadequate to the observed economic changes. The analytical potential of institutionalism thus resides in the fact that it can be used to clarify the influence of certain institutional factors on economic changes in the light of specific applied tasks.*

**Keywords:** institutionalism, old and new school, main methodological problem, diversification of institutional analysis, efficiency of institutions, transaction costs, quality of institutions, dysfunction

### References

- Alle, M. (1995). *Ekonomika kak nauka [Economics as a Science]*. Moscow, Russia: Nauka dlya obshchestva, RGGU, 168. (In Russ.)
- Blaug, M. (2004). *Metodologiya ekonomicheskoy nauki ili kak ekonomisty ob'yasnyayut [The Methodology of Economics: Or How Economists Explain]*. Moscow, Russia: NP «Zhurnal Voprosy ekonomiki», 416. (In Russ.)
- Brennan, G., & Buchanan, J. (2005). *Prichina pravil. Konstitutsionnaya politicheskaya ekonomiya [The Reason of Rules: Constitutional Political Economy]*. SPb., Russia: Ekonomicheskaya shkola, 272. (In Russ.)
- Boyer, R. (1997). *Teoriya regulyatsii [Regulation theory]*. Moscow, Russia: Nauka dlya obshchestva, RGGU, 212. (In Russ.)
- Veblen, T. (2011). *Teoriya prazdnogo klassa [The theory of the leisure class]*. Moscow, Russia: Librokom, 368. (In Russ.)
- Galbraith, J. K. (2009). *Ekonomika nevinного obmana [The Economics of innocent fraud]*. Moscow, Russia: Izdatel'stvo «Evropa», 88. (In Russ.)
- Kleiner, G. B. (2004). *Evolyutsiya institutsional'nykh system [The Evolution of Institutional Systems]*. Moscow, Russia: Nauka, 240. (In Russ.)
- Commons, J. (2011). *Pravovye osnovaniya kapitalizma [Legal foundations of Capitalism]*. Moscow, Russia: Izdatel'skiy dom «Vysshaya shkola ekonomiki», 416. (In Russ.)
- Nelson, R., & Winter, S. (2000). *Evolyutsionnaya teoriya ekonomicheskikh izmeneniy [An Evolutionary Theory of Economic change]*. Moscow, Russia: Finstatinform, 474. (In Russ.)
- North, D. (2010). *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmeneniy [Undersanding the Process of Economic Change]*. Moscow, Russia: Izdatel'skiy dom «Vysshaya shkola ekonomiki», 256. (In Russ.)
- North, D. (1997). *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]*. Moscow, Russia: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala», 180. (In Russ.)
- Olson, M. (2013). *Vozvyshenie i upadok narodov. Ekonomicheskii rost, stagflyatsiya i sotsial'nyy skleroz [The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities]*. Moscow, Russia: Novoe izdatel'stvo, 324. (In Russ.)
- Ostrom, E. (2010). *Upravlyaya obshchim. Evolyutsiya institutov kollektivnoy deyatel'nosti [Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action]*. Moscow, Russia: Mysl', 447. (In Russ.)
- Orekhova, S.V. (2016). Teoreticheskaya model' analiza institutsional'noy sredy otraslevykh rynkov [The theoretical model of the institutional environment industry markets analysis]. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika [Theoretical and Applied Economics]*, 3, 164–176. (In Russ.)
- Popov, E.V. (2007). *Evolyutsiya institutov miniekonomiki [Evolution of the institutions of mini-economy]*. Moscow, Russia: Nauka, 542. (In Russ.)
- Sukharev, O. S. (2001). *Institutsional'naya teoriya i ekonomicheskaya politika. K novoy teorii peredatochnogo mekhanizma v makroekonomike [Institutional theory and economic policy. Towards a new theory of the transmission mechanism in macroeconomics]*. Moscow, Russia: IE RAN, 576. (In Russ.)
- Sukharev, O. S. (2000). *Ekonomicheskie ocherki po institutsional'noy teorii i politike reformizma [Economic Essays on Institutional Theory and Policy of Reformism]*. Bryansk, Russia: BGTU, 190. (In Russ.)
- Sukharev, O. S. (2005). *Instituty i ekonomicheskoe razvitie [Institutions and economic development]*. Moscow, Russia: DeKa, 378. (In Russ.)
- Sukharev, O. S. (2019). *Ekonomicheskaya teoriya evolyutsii institutov i tekhnologiy [Economic theory of the institutions and technologies evolution]*. Moscow, Russia: Lenand, 312. (In Russ.)
- Hodzhson, G. (2003). *Ekonomicheskaya teoriya i instituty. Manifest sovremennoy institutsional'noy ekonomicheskoy teorii [Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics]*. Moscow, Russia: Delo, 464. (In Russ.)
- Shiller, R. (2017). *Irratsional'nyy optimism [Irrational Exuberance]*. Moscow, Russia: Al'bina Pabliisher, 418. (In Russ.)
- Eggertsson, T. (2001). *Ekonomicheskoe povedenie i instituty [Economic behavior and Institutions]*. Moscow, Russia: Delo, 408. (In Russ.)
- Bicen, P., & Malter, A. J. (2019). *The new institutional economics (NIE) approach to geographical indication (GI) supply chains: A case study from Turkey*. *Case Studies in Food Retailing and Distribution*, 105–118.
- Coase, R. (1994). *Essays on Economics and Economists*. University of Chicago Press, 222.
- Coase, R. (1992). The Institutional Structure of Production (Nobel Prize lecture). *The American Economic Review*, 82(4), 713–719.
- Eggertsson, T. (2013). Quick guide to New Institutional Economics. *Journal of Comparative Economics*, 41(1), 1–5.
- Hodgson, G. M., & Knudsen, Th. (2010). *Darwin's Conjecture: The Search for General Principles of Social and Economic Evolution*. University of Chicago Press, 290.
- Hodgson, G. M. (2013). Observations on the legal theory of finance. *Journal of Comparative Economics*, 41(2), 331–337.
- Hove, S., Tchana, F. T., & Mama, A. T. (2017). Do monetary, fiscal and financial institutions really matter for inflation targeting in emerging market economies? *Research in International Business and Finance*, 39, Part A, 128–149.

- Jouida, S., & Hellara, S. (2018). Diversification and target leverage of financial institutions. *Journal of Multinational Financial Management*, 46, 11–35.
- McKillop, D., French, D., Quinn, B., Sobiech, A. L., & Wilson, J. O. S. (2020). Cooperative financial institutions: A review of the literature. *International Review of Financial Analysis*, 71.
- Meador, J. E., & Skerratt, S. (2017). On a unified theory of development: New institutional economics & the charismatic leader. *Journal of Rural Studies*, 53, 144–155.
- Ménard, C. (2018). Research frontiers of new institutional economics. *RAUSP Management Journal*, 53(1), 3–10.
- Myrdal, G. (1990). *The Political Element in the Development of Economic Theory*. Transaction publishers, 298.
- North, D. (1991). Institutions. *The Journal of Economic Perspectives*, 5(1), 97–112.
- North, D. (2008). *Institutional Change and American Economic Growth*. Cambridge University Press; Reissue edition, 292.
- Ostrom, E. (2005). *Understanding Institutional Diversity*. Princeton University Press, 376.
- Prévost, B., & Rivaud, A. (2018). The World Bank's environmental strategies: Assessing the influence of a biased use of New Institutional Economics on legal issues. *Ecosystem Services*, 29, Part B, 370–380.
- Tinbergen, J. (1981). The Use of Models: Experience and Prospects. *The American Economic Review*, 71(6), 17–22.
- Tinbergen, J. (1992). *Entering the third millennium: some suggestions*. Rotterdam, 40.
- Tinbergen, J. (1995). The Duration of Development. *Journal of Evolutionary Economics*, 5(3), 333–339.
- Vega, D. E. C., & Keenan, R. J. (2016). Situating community forestry enterprises within New Institutional Economic theory: What are the implications for their organization? *Journal of Forest Economics*, 25, 1–13.
- Williamson, O. E. (1975). *Markets and Hierarchies: Analysis and Anti-Trust Implications: A Study in the Economics of Internal organization*. New York, NY: Free Press [u.a.], 286.
- Williamson, O. E. (1998). *The Economic Institutions of Capitalism*. New York: Free Press, 468.
- Williamson, O. E. (2002). The Theory of the Firm as Governance Structure: From Choice to Contract. *Journal of Economic Perspectives*, 16 (3), 171–195.

#### Author

**Oleg Sergeevich Sukharev** — Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation; e-mail: o\_sukharev@list.ru).